

3. «Единство в многообразии» – формула федерализма // Информационный бюллетень Государственного Совета Республики Татарстан. 2003. № 10 (70). Июль. С. 27.
4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии, май 1920 – июнь 1921 г. М.: Прогресс-Академия, 1996. 543 с.
5. *Соболева Н.* Печать царства Казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С. 33–44.
6. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии / подгот. текста Л.И. Ивиной; рук. авт. кол. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. 447 с.
7. *Сталин И.В.* Из докладной записи по вопросу автономизации, 22 сентября 1922 г. // Известия УК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.
8. *Сталин И.В.* Против федерализма // Собр. соч. М., 1951. Т. 3. С. 30–31.
9. *Султан-Галиев М.* Избранные труды / сост. И.Г. Гизатуллин, Д.Р. Шарифудинов; ред.: Ш.Н. Мулаянов, Г.С. Садретдинов. Казань: Басыр, 1998. 718 с.
10. *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 309 с.

УДК 94(47).043

И.П. Ермолаев¹

Создание Приказа Казанского дворца как модели управления полиэтничным регионом

История России; Поволжье; Приуралье; Сибирь; государственное управление; XVI–XVII вв.; Приказ Казанского дворца; Казанский дворец.

В статье рассматриваются вопросы организационной структуры и функциональных полномочий Приказа Казанского дворца – одного из центральных органов государственного управления России в XVI–XVII вв.

История Приказа Казанского дворца, одного из центральных органов управления России во второй половине XVI – начале XVII в., имеющего ведомственно-областную компетенцию, до сих пор изучена недостаточно. До Великой Октябрьской социалистической революции частично рассматривались отдельные стороны деятельности этого приказа. В советской исторической науке этому вопросу внимание стало уделяться лишь с конца 1950-х гг. (труды А.А. Зимина, С.О. Шмидта,

¹ Ермолаев Игорь Петрович, Казанский (Приволжский) федеральный университет (РФ, Казань), д. и. н.; ermolaev32@rambler.ru

А.К. Леонтьева, А.В. Чернова, Н.В. Устюгова, Н.Ф. Демидовой и ряда других исследователей, в том числе автора данной статьи).

Причины слабой разработки истории приказа заключаются прежде всего в отсутствии единого комплекса источников. Архив Приказа Казанского дворца (или просто Казанского дворца, как его часто называли), в ведении которого находилась вся территория Поволжско-Приуральского региона, к большому сожалению, не сохранился как единое собрание. Многочисленные пожары уничтожили большую часть документов, хранящихся как в центральных, так и в местных правительственных учреждениях. Так, во время сильного пожара в Москве в 1626 г. пострадали здания нескольких приказов. Во время грандиозного пожара в 1701 г. полностью сгорело здание Приказа Казанского дворца вместе с его уникальным архивом. Крупный пожар 1737 г. затронул значительную часть дел Вотчинного архива (бывшего Поместного приказа) и т. д. [10, с. 6–7].

Уже в начале XVIII в. должностные приказные лица нередко вынуждены были делать беспомощные приписки об отсутствии нужных документов. Так, например, в одной из грамот Казанского дворца свияжскому воеводе в 1701 г. констатировалось: «В Приказе Казанского дворца поместные и вотчинные дела, и писцовые, и отказные, и отдельные книги всех низовых городов, которые ведомы в Приказе Казанского дворца, згорели. А которых дел и книг малое число осталось, и те не разобраны, выписать не из чего»².

После ликвидации в начале XVIII в. дворцовых приказов (в том числе и Приказа Казанского дворца) все сохранившиеся дела были переданы в архив Приказа Большого дворца, но пожар 1737 г. практически довершил уничтожение материалов Казанского дворца (вместе с которыми сгорела и значительная часть дел приказа Большого дворца, частично копировавшая документы делопроизводства Приказа Казанского дворца, ведавшего в Поволжье и Приуралье дворцовыми селами). Поэтому неудивительно, что из архивных материалов Приказа Казанского дворца случайно сохранились лишь отдельные документы, оказавшиеся в фондах других государственных учреждений того времени. Так, например, из документов о подавлении Крестьянской войны под предводительством Степана Разина уцелела переписка Приказа Казанского дворца с одним из руководителей правительственных войск, воеводой, князем Ю.А. Долгоруковым. Дело

² РГАДА. Ф 281. ГКЭ, по Свияжску, № 46/11504. Подчеркнуто автором данной статьи.

в том, что после назначения Долгорукого в 1674 г. воеводой Белгородского полка, все дела о его службе были переданы из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ, который ведал Белгородским полком [10, с. 7].

В результате о существовании многих документов, относящихся к истории Поволжья и Приуралья XVI–XVII вв., можно только догадываться. Отсутствие документов (иногда очень значительное) заставляет по крупицам выискивать их остатки, случайно или закономерно отложившиеся в фондах различных учреждений XVII в., которые хранятся сейчас в Российском государственном архиве древних актов. Одним из ярких примеров является обнаружение В.В. Дмитриевым группы наказов казанским воеводам, отложившихся среди документов, не имеющих никакого отношения к архиву Приказа Казанского дворца [8, с. 284–419]. Все это, естественно, затрудняет изучение деятельности Приказа Казанского дворца и является причиной отсутствия специальных работ, а также достаточно полных исторических экскурсов в исследованиях общего характера.

Итог дооктябрьского периода истории изучения Приказа Казанского дворца был весьма неутешительным. Никто из историков не рискнул всерьез взяться за этот материал, не обеспеченный достаточным количеством надежных источников. Не был выяснен вопрос о времени и условиях образования приказа. Так, И.И. Вернер в 1907 г. говорил, что Казанский дворец образовался «скоро» после присоединения Казани, но точного времени не указал [3, с. 34]. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось, что впервые Казанский дворец как учреждение встречается в 1599 г., а Казанская изба, из которой возник Приказ Казанского дворца, – «в последние годы царствования Ивана IV» [36, с. 902], т. е. не позднее 1584 г.

Советская историческая наука за первые 40 лет своего развития практически вообще не интересовалась этим сюжетом, и лишь за последнюю четверть века были сделаны заметные шаги в привлечении внимания исследователей к истории одного из крупнейших и важнейших в системе государственных учреждений России XVI–XVII вв. – Приказа Казанского дворца. Расширен круг источников, выявлена история зарождения приказа и становления его административно-политического статуса, определены основные функции и полномочия, а также структура соподчиненности его с вышестоящими и нижестоящими государственными учреждениями и органами.

Однако в целом история Приказа Казанского дворца, вопросы о его структуре, штатах, степени компетенции и сфере деятельности,

как и политическом значении в создании централизованного Российского государства и становления элементов абсолютизма в стране, а также особенности в управлении отдельных подчиненных ему территорий с учетом национально-этнического состава их населения по-прежнему остаются недостаточно выясненными в науке. Плохая сохранность источников значительно мешает этому, но Приказ Казанского дворца заслуживает того, чтобы стать предметом изучения, и время требует этого.

На данном этапе работы автор не преследует целей ответить на все поставленные вопросы, т. е. не делает попытки определить основные этапы развития приказа, выяснить динамику его внутренней структуры и штатов, а также особенности в управлении отдельными подчиненными ему территориями с учетом национально-этнического состава их населения. В настоящее время не может быть еще представлена вся история этого приказа. Поэтому задача статьи ограничивается общей постановкой вопроса об основных элементах сферы деятельности Приказа Казанского дворца как в территориальном отношении, так и в административных полномочиях.

Общеизвестно, что Приказ Казанского дворца ведал территориями так называемых понизовых городов, т. е. уездов, расположенных в Волжском бассейне ниже Нижнего Новгорода и в Приуралье. Кроме того, в его ведомство входили «мещерские города» в районе р. Оки, а одно время (до 1637 г.) – вся Западная Сибирь.

Первоначально Приказ Казанского дворца управлял всеми землями бывших ханств Казанского и Астраханского. По мере присоединения к России новых земель сначала в Поволжье и на Урале, а затем в Сибири, территория, находившаяся в ведении Приказа Казанского дворца, постоянно расширялась и в конце концов стала трудно управляемой. В 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ, который и стал весть всей Сибирью, а в дальнейшем управление некоторыми городами Нижнего Поволжья частично было передано Посольскому приказу [22, с. 89]. Но основная часть Поволжья и Приуралья постоянно и почти полностью управлялась из Приказа Казанского дворца.

Формирование подведомственной приказу территории можно проследить по разрядным книгам, основная часть которых опубликована при активном участии В.И. Буганова [24; 25; 26; 27; 28; 29]. Правда, надо сказать, что сведения в разрядных книгах до второго десятилетия XVII в. (начала царствования Михаила Федоровича) далеко не полны и не постоянны. В некоторые годы упоминаются лишь от-

дельные города, куда посылались воеводы, за ряд лет сведений о назначении воевод вообще нет.

В каждую новую крепость и поселение в Поволжье назначался воевода или приказной человек (голова, городской приказчик, приказчик). И крепость, и поселение включались в состав «Казанского» или «Астраханского царства», как условно и по традиции продолжали называть Среднее и Нижнее Поволжье во второй половине XVI и начале XVII в. [33, с. 486, 510]. Сведения о назначении воевод появляются со следующих годов: Свияжск – с 1551 г., Казань и Васильсурск – с 1552 г., Чебоксары – с 1555 г., Астрахань, Курмыш и Алатырь – с 1564 г. (где-то в это время, в конце 50-х и начале 60-х гг., видимо, и был образован Приказ Казанского дворца как самостоятельное государственное учреждение), Тетюши – с 1571 г., Кокшайск – с 1574 г., Лаишев, Арск и Арзамас – с 1576 г. (причем Арзамас лишь иногда упоминали среди городов, подведомственных Приказу Казанского дворца, обычно он входил в число городов Новгородской чети), Алаты – с 1583 г., Царевококшайск, Санчурск (Царевосанчурск) и Козьмодемьянск – с 1586 г., Самара, Уфа и Царицын – с 1587 г., Терки (Терский городок) – с 1589 г., Саратов и Цивильск – с 1590 г., Уржум, Яранск, Ядрин и Кадом – с 1594 г., Яик – с 1595 г. (собственно, Яик в составе Приказа Казанского дворца упоминается лишь два года), Койса – с 1597 г., Малмыж и Оса – с 1601 г. [12, с. 344; 33, с. 467–507].

Все эти города, расположенные в бассейне Волги и ее притоков ниже Нижнего Новгорода, стали называться «понизовыми», как и вся область – «Низ». Еще С.Ф. Платонов отмечал, что «под именем „низа” или „понизовых городов” слыли, во-первых, города, находившиеся на территории покоренного в 1552 г. Казанского царства, на обоих берегах Средней Волги и по правому берегу Нижней Камы и Вятки, и, во-вторых, города, поставленные на Нижней Волге, начиная от Самары, и на Каспийском побережье» [18, с. 78]. Твердо установленного перечня «понизовых» городов не существует, но граница распространения областей, включаемых в понятие «понизовые», весьма устойчива [13, стб. 722; 14, стб. 821].

По существу, в течение второй половины XVI в. район поволжских городов, которыми ведал Приказ Казанского дворца, оформился полностью. В XVII в. произошло некоторое увеличение числа городов (Черный Яр, Симбирск, Саранск, Пенза, Сызрань и ряд других городов и острожков по засечным чертам и укрепленным линиям), но никакого изменения в границах территории ведомства Приказа Казанского дворца по Поволжско-Приуральскому региону не наблюдается. Не совсем

постоянными и определенными были лишь границы ведомства Приказа Казанского дворца и Сибирского приказа. Так, например, образованный в середине XVII в. Кунгурский уезд находился временами в ведении Приказа Казанского дворца, хотя в целом как сибирский он управлялся из Сибирского Приказа [23, с. 129, 335–336].

Приказ Казанского дворца функционировал до проведения первой областной реформы Петра I и прекратил свое существование после создания Казанской губернии (1708 г.), которая включила в себя всю территорию, ранее подведомственную этому приказу.

Особенностью этого государственного учреждения было то, что он обладал значительной автономией в решении всех без исключения вопросов на подведомственной ему территории и почти не имел непосредственных административных сношений с другими центральными ведомствами России (частичное исключение составляют Разрядный и Поместный приказы, а также Большой дворец).

В данной статье затрагиваются несколько аспектов организационной структуры и функциональных полномочий рассматриваемого приказа.

Первый вопрос – *административно-территориальное деление в крае.*

Территория бывшего Казанского ханства, присоединенная к России под названием «Казанского царства», или «Казанской земли», почти сразу же была разделена на несколько уездов, которые позднее (по мере создания новых политических центров) разделялись на новые уезды. Уезды, в свою очередь, делились на более мелкие части, из которых наиболее распространенными были «дороги», а также «волости» и «станы». Во второй половине XVI и начале XVII вв. в Среднем Поволжье сложились основы административно-территориальных понятий и единиц, которые получили свое развитие и завершение в XVII и XVIII вв.

В XVII в. территориально-административное деление Среднего Поволжья значительно детализировалось и усовершенствовалось прежде всего в области формирования уездов. Территория Среднего Поволжья, особенно в его южной, степной части, в XVII в. активно осваивалась и вводилась в хозяйственный оборот. Этот процесс в основном был завершен в середине века, хотя во второй половине столетия продолжалось строительство новых городов и укрепленных линий, увеличивалась территория, освоенная земледелием. Так, например, если в конце XVI в. в Среднем Поволжье существовало не менее 15 уездов, то к середине XVII в. их стало не менее 22. Такие же

процессы протекали в других частях подведомственной Приказу Казанского дворца территории: Нижнем Поволжье, Приуралье, «Мещерском» крае.

Поволжско-Приуральский регион дает богатый материал для выводов и некоторых общих принципах и местных особенностях в территориально-административном делении России XVI–XVII вв. Здесь одинаково проявлялись как характерные черты общероссийских традиций территориального деления, так и черты, присущие вновь присоединенным, преимущественно нерусским областям с их своеобразием административных понятий.

Можно высказать предположение, что различие в терминологии в определенной степени отражает национальный характер областей и их сословно-феодалную принадлежность. Вероятно, что в местах исконного расселения нерусских народов, сохранивших в XVI–XVII вв. в основном традиционный состав населения, продолжали также традиционно применяться административные понятия («дороги»). Название «станы» и «волости» являлись характерными для территорий преимущественно с русским населением. Не случайно, что эти названия в основном фигурируют в тех областях Среднего Поволжья, где преобладало русское население (западная и северо-западная части). Эти названия проникают иногда и в центральные районы Казанского края, до середины XVI в. почти не имевшие русского населения: так, Уржумский уезд состоял только из волостей, а в Казанском уезде «дороги» перемежались (часто чересполосно) с «волостями».

С 80-х гг. XVI в. появилось понятие «пригородный» уезд (то есть уезд внутри уезда: в Казанском – Тетюшский, Лаишевский). Обращает на себя внимание, что «пригородные уезды» вторгаются в территориальное расположение «дорог», сокращают их территорию и являются показателем распространения здесь русского населения. Кажется целесообразным поставить вопрос о возможности сопоставления понятия «пригородных» уездов Казанского уезда с внутриуездными станами (то есть Тетюшский уезд, Лаишевский и другие внутренние вкрапления в территорию Казанского уезда одинаково могли бы быть названы Тетюшским станом, Лаишевским станом и т. д.). Но на данном этапе исследований этот тезис является не более чем гипотезой.

Наконец, нельзя пройти мимо наблюдения, сделанного Я.Е. Водарским, о том, что в России станы отличались от волостей тем, что «обычно поселения владельческих крестьян объединялись в станы, а поселения черносошных крестьян – в волости» [14, с. 139].

Есть основания предполагать, что материал Поволжско-Приуральского края подтверждает этот вывод.

Обращает на себя внимание также то, что в Поволжье (особенно в его нижней части) некоторые города в XVI–XVII вв. обычно вообще не имели своих фиксированных уездов. В Среднем Поволжье (за исключением, кажется, одного Васильсурска) таких городов не было.

Таковы наши наблюдения в области чисто территориальных вопросов ведомства Приказа Казанского дворца. Переходим теперь ко второму вопросу – к *управленческой сфере этого специфического в истории России XVII в. государственного учреждения.*

Компетенция приказа была своеобразной и весьма высокой. Этот государственный орган управления был не просто областным приказом, подобно четям, а приказом особого характера, который являлся центральным учреждением по управлению практически всеми сторонами жизни Поволжья и Приуралья. С самого начала он становится территориальным органом, в то время как большинство других приказов были ведомственными, а немногочисленные территориальные органы, как правило, не обладали всей полнотой власти на подведомственной им территории. Приказ Казанского дворца, напротив, имел очень большую степень власти по многообразному кругу вопросов управления.

Уникальной по сравнению с другими центральными органами управления была «национальная» специфика этого государственного учреждения. Приказ ведал территорией со значительным и разнообразным коренным нерусским населением, где основной задачей царского правительства было не только русифицировать и христианизировать край, но и формировать общую, так сказать, этносоциальную (в общегосударственном масштабе) политику России. По характеристике, данной Н.Ф. Демидовой, «Приказ Казанского дворца осуществлял административное, финансовое и судебное управление подведомственной ему территории, ведал натуральными сборами с нерусского населения, контролировал составление ясачных книг» [5, с. 560].

Думается, что круг полномочий этого приказа был даже несколько шире. Кроме административно-финансового и судебного управления, Казанский дворец в определенной степени ведал и военно-организационными (разрядными) вопросами на своей территории, разделяя эту власть с Разрядным и другими приказами (Стрелецким и т. д.). Частично в ведении Приказа Казанского дворца находились и дворцовые владения Среднего Поволжья, управление которыми этот приказ делил с Большим дворцом. Некоторые указания приказ-

чиками дворцовых сел, в частности о проведении переписи населения, поступали из Приказа Казанского дворца; в контролируемую казанскими воеводами государственную казну в крае шли, скорее всего, и денежные поступления из дворцовых сел и волостей Казанского уезда – подтверждений этого для XVI в. не находится, но для XVII в. они имеются.

Ни один из других областных приказов, кроме Сибирского, по полноте своей компетенции не мог сравниться с Казанским. Приказ имел в определенной степени даже некоторые права внешнеполитических отношений. По свидетельству подьячего Посольского приказа Григория Котошихина (60-е гг. XVII в.), этот приказ ведал «войским делом и опасением от турецкой и персической границы и от калмыков и башкирцев» [15, с. 92], то есть осуществлял оборону части юго-восточных границ и проводил (наверняка совместно с Посольским приказом) дипломатические переговоры о торговых и иных отношениях со своими соседями.

Третий вопрос рассмотрения – *роль Приказа Казанского дворца в военно-политической сфере управления.*

Одной из особенностей управления Поволжьем и Приуральем, как и Сибирью, было то, что все понизовые города, входившие в административном отношении в ведомство Приказа Казанского дворца, здесь же в основном ведались и в военном отношении [30, с. 326–327]. Понизовые города составляли один разряд – Казанский, подчинявшийся Приказу Казанского дворца. Следовательно, воеводы, командовавшие полками Казанского разряда, получали распоряжения Разрядного приказа не непосредственно от него, а через Разрядный стол Приказа Казанского дворца, куда должны были направлять и все свои донесения. На основании имеющихся документов трудно решить, насколько всеобщим было это положение, но для некоторых периодов XVII столетия это, несомненно, было правилом [35, с. 536]³.

Комплектование полков, входивших в Казанский разряд, происходило исключительно за счет служилых людей понизовых городов (мы не берем во внимание экстремальные обстоятельства, когда правительство вынуждено было направлять в Поволжье служилых людей из других районов страны – так, например, происходило во время Крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина). Некоторым исключением из этого правила было лишь то, что часть поволжских городов должна была иногда посылать служилых людей в дру-

³ РГАДА. Ф. 281. ГКЭ, по Свияжску, № 45/11503.

гие полки (не Казанского разряда). Таким образом, служилые люди в XVII в., как правило, ведались Приказом Казанского дворца, который по требованию Разрядного приказа подавал сведения о численности вооруженных сил Поволжья и Приуралья⁴. Однако управление этими полками (во всяком случае в мирное время) обычно производилось Приказом Казанского дворца. Правда, полковые воеводы по-прежнему назначались в Разрядном приказе⁵.

Трудно назвать время, когда Разрядный приказ передал Казанскому дворцу организаторские функции в военных вопросах, да есть и некоторые сомнения в полной «независимости» Приказа Казанского дворца от контроля в военных вопросах со стороны Разрядного приказа. Однако о значительной роли Приказа Казанского дворца в формировании армейских (ратных) полков говорят многие факты.

Напряженная военно-политическая обстановка в России привела в 1680 г. к попытке реорганизовать управление военными силами и сконцентрировать его только в специализированных учреждениях – Разрядном приказе и ряде других. В связи с этим указом от 12 ноября 1680 г. Казанский разряд Приказа Казанского дворца был ликвидирован, а все его дела по служилым людям «старой полковой службы» (вместе с подьячими, ведавшими эти дела) были переданы в Разрядный приказ, в котором был учрежден особый Казанский стол [19, с. 283–285]. Но уже через полгода, в июне 1681 г. полномочия «Казанского разряда» как отдела Приказа Казанского дворца были восстановлены. «Казанский разряд» в составе Приказа Казанского дворца существовал и в последующее время. С.А. Шумаков отмечал наличие Разрядного стола в этом приказе еще в 1690/91 гг. [35, с. 536]⁶.

Такое же положение было и в отношении ведомства Приказа Казанского дворца «приборными» служилыми людьми, особенно стрелецкими отрядами. Формирование стрелецких отрядов («приказов») обычно шло за счет посадских людей и частичного использования лично свободного сельского населения. Отличительной особенностью комплектования стрелецких отрядов (приказов) в Поволжье

⁴ См., например, перечневую роспись 1650/51 г. РГАДА. Ф. 210, Белгородский стол, столб. 327/1. Л. 77–105.

⁵ См., например, назначение Разрядным приказом в октябре 1663 г. в Казань товарищем воеводы князя Г.С. Куракина стольника князя А. Лобанова-Ростовского с дьяком «для полевых дел и для походов». РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 520/III. Л. 378–379, 1068.

⁶ См. также: РГАДА. Ф. 281. ГКЭ, по Свияжску. № 45/11503.

было привлечение в них в основном крестьянского населения (нерусское ясачное население, как правило, к стрелецкой службе не допускалось). Назначение на должность стрелецкого головы было прерогативой Приказа Казанского дворца (а не Стрелецкого приказа, как обычно). Несмотря на определенные колебания, центральная власть на протяжении всего XVII в. не только не отказалась от этого, но к концу века даже усилила свой контроль над назначением стрелецких голов. При назначении стрелецкие головы получали наказ, который мог выдаваться Приказом Казанского дворца, но мог, по распоряжению приказа, даваться и городскими воеводами⁷.

Среди полномочий Приказа Казанского дворца и местного воеводского управления в Поволжье одно из важнейших мест занимала забота о поместном и денежном обеспечении верхней прослойки служилых людей – дворян и детей боярских, а также «приборного» служилого населения: стрельцов, городских казаков, служилых татар, служилых новокрещеных и т. д. Следует отметить, что если в большинстве городов России все поместные дела находились в руках исключительно Поместного приказа, то в Поволжье наблюдаются некоторые исключения и из этого правила. Есть предположения, что Поместный стол Приказа Казанского дворца имел право производить «испомещение» и самостоятельно, а в 1702 г. в ведома приказа официально были переданы все дела, которые касались поместий, лежащих в подведомственных ему областях [21, с. 190]. С.А. Шумаков отмечал, что в 1690/91 г. в составе Приказа Казанского дворца существовал особый Поместный стол [35, с. 536]⁸.

Таким образом, социально-политическая компетенция местных государственных учреждений была достаточно высокой и почти полностью находилась в ведении Приказа Казанского дворца. Разрядный и Поместный приказы, по-видимому, действовали на территории, подведомственной Приказу Казанского дворца, через этот приказ, а не самостоятельно. Вместе с тем Поволжско-Приуральские уезды не имели какой-то особой, принципиально отличной от других районов страны разрядной и поместной организации.

Наконец, возникает еще один вопрос – соотношение общегосударственных и дворцовых функций приказа. Обратим внимание на то, что по характеру создания приказ был дворцовым.

⁷ Сохранилась, например, наказная память голове казанских стрельцов Ивану Нагирину, выданная в Приказе Казанского дворца в 1677 г. См.: ОРРК НБЛ. Ед. хр. 596.

⁸ См. также: РГАДА. Ф. 281, ГКЭ, по Свияжску. № 45/11503.

Одним из важных объектов управления в Среднем Поволжье было дворцовое хозяйство. Обычно управление дворцовыми селами и городами находилось в компетенции Приказа Большого дворца, откуда отдавались распоряжения воеводам дворцовых городов и приказным людям (чаще всего приказчикам) сел. Но Поволжско-Приуральский край и в этом отношении имел отличительные особенности. Управление здесь было более централизовано и систематизировано, чем во многих других областях Российского государства.

Все дворцовые села и волости понизовых городов подчинялись в основном местным городским воеводам, а следовательно, Приказу Казанского дворца, который иногда производил и назначения приказчиков (или приказных людей). Приказчики дворцовых сел, назначаемые нередко Приказом Казанского дворца, или, по его предписанию, самими казанскими воеводами (как чаще всего и было), формально подчинялись двум приказам – Казанскому и Большого дворца [11, с. 12, 22–23], а фактически – непосредственно воеводам соответствующих городов Поволжско-Приуральского края. Известно, что некоторые указания приказчикам дворцовых сел, в частности, о проведении переписи населения, шли из Приказа Казанского дворца.

По документам не видно, чтобы Приказ Большого дворца активно и постоянно вмешивался в непосредственное управление многочисленными дворцовыми селами края. Более того, здесь даже сборы (денежные и натуральные) с крестьян и бобылей дворцовых сел шли обычно не в Приказ Большого дворца, а в казну соответствовавшего местного центра (Казани, Свияжска и других крупных городов Поволжья), откуда расходовались воеводами по предписанию центральной власти, отдаваемому опять-таки через Приказ Казанского дворца.

Обращает на себя внимание то, что воеводы Поволжья не отправляли денежные поступления в Москву, как это делали воеводы многих других областей, а сами распоряжались теми средствами, которые собирали в подведомственных им территориях. Эти средства шли, с одной стороны, на содержание управленческого аппарата и служилых людей, с другой – оправлялись в другие города и уезды по памятям (т. е. по распоряжениям) из Приказа Казанского дворца. Характерно, что в составе Приказа Казанского дворца находился Денежный стол⁹ [35, с. 536], который и контролировал, по-видимому, финансовую сторону деятельности местных учреждений. По распоряжению правительства направлялись деньги и за пределы района понизовых городов.

⁹ См. также: РГАДА. Ф. 281. ГКЭ, по Свияжску. № 45/11503.

Например, по отписке Казанского дворца казанские воеводы в 1632 г. передали верхотурскому воеводе сначала 1500 рублей «на подмогу» крестьянам, переселенным из Верхотурского уезда в Томский, а затем еще 20 453 рублей «на жалованье» служилым людям (правда, надо иметь в виду, что эти операции производились внутри Приказа Казанского дворца, ибо в 1632 г. территория Сибири входила в состав ведомства этого приказа).

О большой сфере административной компетенции Приказа Казанского дворца очень четко говорит наказ казанскому воеводе от 1637 г.: «Буде учнут присылать в Казань [...] грамоты из розных приказов, а послушных грамот из Приказа Казанского дворца о том не будет, и по тем грамотам [...] без послушных грамот [...] дел делать не велено» [20, с. 300].

Таким образом, управление территорией Поволжья и Приуралья осуществлялось преимущественно только через Приказ Казанского дворца, отдельные приказы, включая частично даже Разрядный и Поместный, должны были проводить свои мероприятия через Казанский дворец. Вместе с тем нельзя утверждать, что Приказ Казанского дворца был полностью автономным центральным учреждением, подчинявшимся только Боярской думе и царю. Наиболее крупные по значению приказы (Поместный, Разрядный, Большой дворец и, по-видимому, некоторые другие) имели право направлять в отдельных случаях своих должностных лиц, главным образом, сыщиков, которые в определенной степени оказывались неким подобием контролирующего органа за действиями местных управленческих учреждений и самого Приказа Казанского дворца как центрального учреждения. Большую роль, практически не связанную с деятельностью Приказа Казанского дворца, играли и писцы во время общероссийских переписей.

Но как бы ни была полна компетенция Приказа Казанского дворца, полностью отрицать участие других приказов в управлении поволжскими и приуральскими землями нельзя. В связи с недостатком источников на данном этапе изучения трудно говорить (особенно для XVI в.), где проходила граница разделения власти по тому или иному вопросу управления Поволжьем и Приуральем между Казанским дворцом и другими (Разрядным, Посольским и т. д.) приказами. Можно только предполагать, что такое разделение власти и полномочий, видимо, все-таки было, хотя, насколько это было узаконено и регламентировано, сказать пока невозможно. На мой взгляд, наиболее доступный и перспективный путь – это сравнительно-сопоставительное изучение сферы власти Казанского дворца и Сибирского приказа, между кото-

рыми было много общего как в процедурных вопросах, так и в конкретной исполнительно-распорядительной деятельности.

Нами были затронуты самые общие вопросы территориально-административной сферы деятельности Приказа Казанского дворца. Подводить итоги исследования пока рано, ибо отсутствие более или менее полного комплекса документов по истории Приказа Казанского дворца значительно тормозит ход исследования темы. В процессе работы пришлось начинать с попытки восстановления в какой-то степени остатков архива Приказа. Это было сделано путем фронтального просмотра опубликованных сборников документов и описей ряда фондов РГАДА, в которых с наибольшей долей вероятности могли находиться исходные бумаги Приказа Казанского дворца. Проведенная работа позволила в определенной степени реконструировать некоторую часть исчезнувшего фонда Приказа Казанского дворца.

Уже на первом этапе поисков оказалось возможным несколько расширить круг известных источников. Результатом этих изысканий явился выпущенный под редакцией С.М. Каштанова хронологический перечень документов в границах Казанского и Свияжского уездов середины XVII в. [9]. В дальнейшем эта работа была продолжена главным образом по линии постепенного расширения рамок объекта исследования до всего региона Поволжья и Приуралья. Изучение еще далеко не закончено: в настоящее время эта источниковая работа проводится группой сотрудников Археографической лаборатории Института истории Казанского федерального университета в составе автора данной статьи, кандидата исторических наук, доцента Д.А. Мустафиной и ряда других лиц. Однако уже сейчас можно говорить о том, что сохранившаяся (очень небольшая, отрывочная и часто случайная) часть документов все же позволяет надеяться на возможность изучения основных этапов развития Приказа Казанского дворца, его структуры, функций, состава и штатов¹⁰.

Литература

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / под ред. Н. Калачова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1884. Т. 3. 524 стб.
2. *Борисов В.Л.* Некоторые данные для истории городов Казанского края в XVII в. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1900. 13 с.
3. *Вернер И.И.* О времени и причинах образования московских приказов. М.: Унив. тип., 1907. 210 с.

¹⁰ В отношении штатного состава большую роль имеют исследования Н.Ф. Демидовой. См.: [6; 7].

4. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII вв. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. 263 с.
5. *Демидова Н.Ф.* Приказ Казанского дворца // СИЭ. М., 1968. Т. 11. Стб. 560.
6. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.
7. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 717 с.
8. *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: Сб. статей. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 284–419.
9. *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов) / науч. ред. С.М. Каштанов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 262 с.
10. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.
11. *Ермолаев И.П., Липаков Е.В.* Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI – первой четверти XVII века (по материалам дозорных и переписных книг) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода / отв. ред. Ю.И. Смыков. Казань, 1984. С. 8–26.
12. *Зимин А.А.* Состав русских городов XVI в. // Ист. записки. 1955. Т. 52. С. 336–347.
13. Книги разрядные. Т. 1. СПб.: В тип. 2-го отд-ния Собств. его имп. величества канцелярии, 1853. 1382 стб.
14. Книги разрядные. Т. 2. СПб.: В тип. 2-го отд-ния Собств. его имп. величества канцелярии, 1855. 1402 стб.
15. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб.: Археогр. комис., 1906. 215 с.
16. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 557, 2 с.
17. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. 690 с.
18. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Соцэкгиз, 1937. 498 с.
19. ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. 974 с.
20. ПСЗ. СПб., 1830. Т. 3. 690 с.
21. ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. 881 с.
22. *Преображенский А.А.* Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI – середина XVII в.) // Вопр. истории. 1981. № 10. С. 77–89.
23. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
24. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, введ. ст. и ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. 614 с.

25. Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н.Г. Савич; под ред. В.И. Буганова. М.: Ин-т истории СССР, 1977. Ч. 1–2.
26. Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. М.: АН СССР, Ин-т истории СССР, 1975. Т. 1–2.
27. Разрядная книга 1559–1605 гг. / сост. Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. М.: АН СССР, Ин-т истории СССР, 1974. 436 с.
28. Разрядная книга 1598–1638 гг. / сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1974. 398 с.
29. Разрядная книга 1637–1638 гг. / сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина, А.П. Богданов; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1983. 186 с.
30. *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб.: Тип. В. Демакова, 1897. 404 с.
31. Русская историческая библиотека. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1886. Т. 10. 600 с.
32. *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVI века. Киев: Тип. А.И. Гроссман, 1919. Т. 1. Вып. 2. 357 с.
33. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.
34. *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 349, 3 с.
35. *Шумаков С.А.* К истории московских приказов // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1911. Т. 28. Вып. 6. С. 511–538.
36. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 13, п/т. 26. 481–960 с.

УДК 94(47).05

Д.А. Редин¹

**Низовое звено коронной администрации
западных уездов Сибирской губернии
в первой трети XVIII в.:
социальный состав и карьерная динамика²**

Западные уезды Сибирской губернии, коронная администрация, приказчики, комиссар, дистрикт, локальные элиты.

¹ Редин Дмитрий Алексеевич, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, РФ), д. и. н.; landrat14@mail.ru

² Работа выполнена в рамках проекта «Урал в контексте российской истории: эволюционная динамика социокультурного развития в XVI–XIX вв. (традиции изучения и концептуализация)». Программа фундаментальных исследований Президиума РАН, шифр 12-П-6-1010.